

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8022

УДК 821.161.1.09“18”

Людмила Луцевич

Варшавский университет
(Варшава, Польша)

l.lutevici@uw.edu.pl

«Моя исповедь» князя П. А. Вяземского

Аннотация. «Моя исповедь» (1829) П. А. Вяземского — один из значимых историко-литературных и автобиографических документов XIX в. — не становилась предметом самостоятельного изучения. В центре ее — период варшавской службы князя, предопределивший не только становление идей либерализма и конституционализма, но и крушение его карьеры как государственного служащего в 1821 г. В статье предпринята попытка выявить основные формально-содержательные константы «Моей исповеди». В результате исследования определены непосредственный повод и причины обращения князя к исповеди, его адресат, главная цель и дискурсивные практики. Автор статьи констатирует, что «Моя исповедь» не содержит религиозных коннотаций; основным ее содержанием становится последовательное изложение событий, фактов, мыслей, чувств (в том виде, в каком они предстают в сознании князя по истечении почти десятилетия), а также разоблачение наветов недоброжелателей и восстановление доброго имени. Отмечается, что общая автобиографическая исповедальная стратегия Вяземского обуславливает как авторское раскаяние в политических «заблуждениях» либеральной молодости, так и изложение / пропаганду либеральных воззрений за счет активного автоцитирования; при этом принципиальная установка на правдивость сочетается с так называемой «политкорректностью» (допускающей сознательное умолчание о некоторых событиях, фактах, лицах во избежание заведомой лжи).

Ключевые слова: Вяземский, «Моя исповедь», личность, политика, власть, правдивость, политкорректность, исповедь, жанр

Об авторе: Луцевич Людмила — доктор филологических наук, профессор кафедры литературоведения и культурологии факультета прикладной лингвистики, Варшавский университет (Krakowskie Przedmieście, 26/28, 00-927, Варшава, Польша)

Дата поступления: 20.12.2019

Дата публикации: 07.07.2020

Для цитирования: Луцевич Л. «Моя исповедь» князя П. А. Вяземского // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 82–112.
DOI: 10.15393/j9.art.2020.8022

Говоря о том, что было, изъясняя себя, я должен был переноситься в мысли, которые мне были свойственны, а не искать в риторических уловках противоречия самому себе, когда моя совесть не нуждается в этом противоречии. Я хотел написать эту записку, как пишу свои письма, с умом на просторе и с сердцем наголо. В ней так сказать зеркало моей жизни, моих мнений, моей переписки, но зеркало полное, не разбитое, не искривленное злонамеренностью и неприязнью (*П. А. Вяземский. Исповедь*)¹.

1

В 1817 г. Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) — чиновник Первого отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии — получил служебное назначение в Варшаву для ведения иностранной переписки при императорском комиссаре в Польше Н. Н. Новосильцове². Прибыв в Царство Польское в феврале 1818 г., он оказался в обстановке готовящихся либеральных преобразований [Керіński: 125–137], [Прохорова: 74–79], [Тoczyńska-Рęksa: 153–159], в той особой «атмосфере личного очарования <...>, которую сумел создать вокруг себя Александр I» [Гинзбург: 79]. Три варшавских года стали для князя временем политической либерализации, напряженных размышлений относительно характера развития общественной жизни России и Европы. В 1820 г. Александр I резко свернул все конституционные проекты. Либерал Вяземский неожиданно для него самого попал в немилость властей: он оказался под тайным надзором полиции, его выдворили со службы в Польше и, по существу, принудили уйти в отставку. Почти десятилетие князь находился в опале. В 1828 г. он обратился к Николаю I с просьбой о возвращении на государственную службу, но получил унижительный отказ³. Из достоверных источников князю стало известно, что император воспринимает его как персону, ведущую «развратную жизнь, недостойную образованного человека» (*Вяземский 1963: 311*)⁴.

Это оскорбительное мнение и стало главным стимулом для непосредственного обращения к императору в официальной объяснительной «Записке о князе Вяземском, им самим

составленной». Подготовленную в течение декабря 1828 г. — января 1829 г. «Записку» князь в письмах к Д. В. Голицыну, А. Х. Бенкендорфу, В. А. Жуковскому и другим адресатам именует *исповедью*. Так, в декабре 1828 г. он сообщает Жуковскому: «Моя Египетская работа подходит к концу. Дописываю свою *исповедь* (курсив мой. — Л. Л.). Но будет ли прок? Кто прочтет ее? Нужен умный духовный отец. <...> Она мне по сердцу, и по совести, она выражение всей моей жизни; если она не годится, то не годится и моя жизнь. <...> Ищу не солгать перед своею совестью и своею честью»⁵. Впоследствии Вяземский включил «Записку» в свое Полное собрание сочинений под названием «Моя исповедь» (85–108). Исповедь князя трактовалась однозначно как «обвинительный акт, осуждавший русское самодержавие» и соответственно как «ценный памятник русской общественной мысли» [Гиллельсон, 1969: 178], при этом абсолютно не учитывалось, что многое в позиции автора этой исповеди обусловлено высоким рангом ее адресата [Тоддес: 141].

Одно и то же произведение, как справедливо заметил И. А. Есаулов, «может одновременно принадлежать разным силовым линиям культуры, разным контекстам осмысления» и «может быть рассмотрено при помощи различной научной оптики» [Есаулов: 13].

В данной статье предпринята попытка выявить основные формально-содержательные константы, дискурсивные практики, доминантные стратегии «Моей исповеди» с помощью «разных контекстов осмысления» и различных методов исследования.

2

Согласно словарному определению, исповедь — «так называемая видимая, обрядовая часть таинства покаяния» — требует «самой полной откровенности, искреннейшего сокрушения о содеянных прегрешениях», «решимости исправиться и надежды на Иисуса Христа»⁶. Вероятно, желание князя выдвинуть на первый план «полную откровенность» и обусловило название текста — «Моя исповедь»⁷, несмотря на то, что обращен он к мирским властям. «Духовно-церковное сознание

<Вяземского>, — отмечает А. В. Моторин, — теснится светским; отсюда стремление не столько к покаянию, сколько к самооправданию» [Моторин: 211]. Адресуя свою исповедь Николаю I, князь рассчитывает при поддержке императора «быть совершенно очищенным во мнении правительства» (107), то есть в кругу людей по преимуществу светских. Вяземский избирает, по своему признанию, *прямодушное* повествование о былых *событиях, мыслях и чувствах*, а для жанрово-стилистического определения своей *исповеди* использует такие контекстуальные синонимы, как *записка, отчет, письмо, оправдание*.

Неприятная обстановка, сложившаяся к концу 1820-х гг. вокруг имени князя, оценивается им как результат «странного» и вместе с тем намеренного — «насильственного» — соединения «современных событий, частных обстоятельств, посторонних лиц и <...> самого правительства» (85). Пытаясь уяснить причину создавшегося положения, князь избирает путь последовательного анализа всех факторов — как субъективных, так и объективных. Автор преследует цель «разуверить тех, которые судят меня более по предубеждениям и данным, недоброжелательством обо мне доставленным, нежели по собственным моим делам» (85). Для этого князь составляет *отчет*, где отражены «некоторые события» из его жизни, представлены конкретные факты о выполнении служебных заданий и поручений, охарактеризованы «некоторые свойства» его характера; при этом он максимально правдиво *исповедует* (излагает) свои взгляды, «образ мыслей и чувств» (85), которые волновали его в период варшавской службы. Для полноты создаваемой картины Вяземский выступает в разных ролях: в качестве *дознавателя*, беспристрастно «*допрашивающего* себя, *испытывающего* свою совесть, свои дела» (85), *историка*, осмысляющего перипетии значимого этапа жизни; *психолога* — толкователя, «изъяснителя себя» (106), развитой *современной личности* «с умом и душою, открытыми к впечатлениям настоящей эпохи» (89–90); верноподданного *гражданина*, честно составившего «о себе записку и передавшего ее беспристрастную <...> судей» (85); *адвоката*, ведущего аргументированную самозащиту от несправедливых обвинений властей и клеветы корыстных газетчиков (104); добросовестного *исследователя*

и комментатора собственных творений (102); писателя, мастерски владеющего «даром слова» (105).

В центре внимания князя находится самый яркий этап его либеральной молодости — период варшавской службы, предопределивший, как он считает, «нынешнее его невыгодное положение» (85). Автобиографическая исповедь⁸ князя не содержит религиозных коннотаций, основным ее содержанием становится последовательное изложение событий, фактов, мыслей, чувств (в том виде, в каком они предстают в сознании автора по истечении почти десятилетия), разоблачение наветов недоброжелателей и в конечном итоге восстановление доброго имени.

3

Свою исповедь Вяземский начинает с 1817 г., когда получает назначение в Варшаву. Ранее, как он пишет: «...темная служба, пребывание в Москве хранили меня в неизвестности. В то время не было еще хода на слово *либерал*, и потому мои тогдашние шутки, эпиграммы пропадали так же невинно, как и невинно были распускаемы» (85–86)⁹. Вяземский умалчивает в исповеди о том, что первоначально он поступил на службу в 1807 г. в Московскую межевую канцелярию, получив к тому времени благодаря неустанным заботам отца прекрасное образование. Служба в канцелярии, не требуя особого усердия, давала возможность молодому человеку вести достаточно свободный образ жизни и заниматься поэтическим творчеством. Уже к 1810 г. князь приобрел довольно широкую известность в литературных кругах, среди его друзей были Николай Карамзин, Иван Дмитриев, Василий Пушкин, Василий Жуковский, Денис Давыдов и многие другие. Вяземского считали «блистательным остряком», язвительным, остроумным, ироничным скептиком, в стихах его ценили «независимый ум, умение <...> мастерство» [Ходасевич: 75, 76]. Интересы молодого поэта были разносторонними, но приоритетной всегда для него являлась французская литература: произведения Расина и Корнеля, Лафонтена и Мольера, Буало и Реньяра, Малерба и Жана Батиста Руссо, Монтеня и Фенелона, Монтескье и Вольтера [Гиллельсон, 1982: 7–8]. Именно сочинения

французских писателей и философов оказали наибольшее влияние на становление «либеральных и оппозиционных настроений Вяземского» [Нечаева: 78]. Уже в «арзамасские» годы его в равной степени влекут литература и политика. Его близкие друзья: Николай Тургенев, Михаил Орлов, Никита Муравьев — «энтузиасты либеральных институтов, тайных политических обществ» [Тодд: 54], вступив в «Арзамас», стремились политизировать литературное братство, выдвигая для обсуждения вопросы освобождения страны от «позорного рабства», идеи прогресса, роли верховной власти в обеспечении либерального движения, необходимость реформаторских преобразований [Рудницкая: 163]. Вяземский разделяет эту устремленность друзей к свободе человеческого духа от всяческих стеснений, налагаемых религией, традицией, государством и проч. Либерализм, став с конца XVIII в. одной из ведущих идеологий в странах Европы, не миновал и Россию, о чем свидетельствует феномен декабризма, развившегося в политические союзы из масонских организаций, ставивших перед собой задачи нравственного преобразования личности и общества.

Особую, хотя, по сути, так и не проясненную, роль в своем «Варшавском приключении» (94) Вяземский отводит советнику наместника Царства Польского великого князя Константина Павловича — Николаю Новосильцову (1768–1838) [Ивинский: 181–190]. Опытный дипломат, аристократ, либерал, сторонник конституционной монархии, сильная, независимая личность Новосильцов был ближайшим единомышленником Александра I в его реформаторской деятельности (см.: [Szyndler], [Любезников]). Молодой Вяземский, оказавшись в Варшаве, как кажется, поначалу обольстился возможной ролью (по примеру Новосильцова) царского сподвижника. Он стремился соединить «служебную и литературную деятельность», направляя усилия на «пробуждение России к реформам, замысел которых шел от императора» [Степанищева]. Высокая цель мыслилась князем вполне достижимой под руководством «человека просвещенного, образованного и лично <...> уважаемого», каковым виделся Новосильцов, потому Вяземский и «стал искать случая служить при Новосильцове» (86). Старания князя, благодаря

протекции Александра Тургенева, как известно, завершились успехом.

Вяземский вдохновенно включился в работу новосильцовского круга:

«Я был определен к Новосильцову и приехал в Варшаву, вскоре после Государя Императора. Открылся сейм. На меня был возложен перевод речи, произнесенной Государем. Государь, увидевшись со мною на обеде у Н. Н. Новосильцова, благодарил меня за перевод. С того времени Император при многих случаях изъявлял мне лично признаки своего благоволения. Вступление мое так сказать в новую сферу, новые надежды, которые открывались для России в речи Государевой, характер Новосильцова, льстивые успехи, ознаменовавшие мои первые шаги, все вместе дало еще живейшее направление моему образу мыслей, преданных началам законной свободы, началам конституционного монархического правления, которое я всегда почитал надежнейшим залогом благоденствия общего и частного, надежнейшим кормилом царей и народов» (86).

Вступив в область политики, Вяземский вольно или невольно вынужден был выстраивать стратегию взаимоотношений с властью. Поскольку он разделял идеи конституционной монархии, характерные для александровского либерализма, то близость к власти была воспринята им как возможность стать если не одним из советников монарха, то хотя бы его «собеседником» по актуальным вопросам европейской политики. На первых порах поэт не вполне осознавал тот факт, что, будучи государственным служащим, он уже не может дистанцироваться от статута власти. Впоследствии, осмысляя в исповеди свое «варшавское бытие», он пришел к пониманию того, что, наряду с другими исполнителями замыслов Александра I, он выступал всего лишь «инструментом» для реализации амбиций императора. В варшавские же годы Вяземского влечет роль идеолога-исполнителя, разделяющего запросы власти, воплощенной в образе Александра I. При этом князь, опираясь на искони присущий родовитой аристократии «принцип законно-свободного политического поведения» [Тоддес, 1974: 160], подвергает анализу и критике существующие социально-политические отношения и морально-нравственные

ценности. Вступив в союз с властью, Вяземский по долгу службы автоматически обязан был бы беспрекословно подчиниться ее устремлениям, поскольку личные, самостоятельные «мнения» дозволены и приемлемы до тех пор, пока они совпадают с устремлениями власти. Идеи, суждения, оценки, которые он, будучи ее приближенным, теперь «выносит» в мир, независимо от формы их выражения — будь то официальные речи или дружеские разговоры-письма — должны соотноситься с официально декларируемой позицией власти. Если же эта принципиальная установка по каким-либо причинам нарушается, то следует неизбежное отторжение «нарушителя», что и стало результатом «Варшавского приключения» князя.

Оказавшись в Варшаве, Вяземский по поручению Новосильцова занялся переводом Польской хартии на русский язык, а затем и всего проекта российской конституции, получившего название «Государственная уставная грамота Российской империи». Французский оригинал «грамоты» был написан юристом Петром Пешар-Дешаном, а русский перевод и окончательная правка текста были возложены на Вяземского. Документ являл собой первую попытку соединения идеи парламентаризма и сильной монархической власти¹⁰. Группа Новосильцова, создавая «Уставную грамоту», выражала устремления официального либерализма Александровской эпохи приспособить либерально-просветительские идеи к российским национальным условиям.

Однако в Варшаве Вяземский занимался не только переводом проекта, но и общался с польской шляхтой [Łuźny: 5–17], среди представителей которой были и «благомыслящие из польских либералов», и оппозиционеры [Sokołowska: 353–366]. Вяземский сумел установить добрые взаимоотношения с поляками и стал одним «из числа весьма немногих Русских в Варшаве, с которым образованные из Поляков могли иметь какое-нибудь сближение» (90). Изучая особенности польской ментальности, князь прозорливо заметил:

«С Поляками должно иметь мягкость в приемах и твердость в исполнении. Они народ нервический, щекотливый, раздражительный.

Наполеон доказал, что легко их заговаривать. В благодарность за несколько политических мадригалов, коими он ласкал ее самохвальное кокетство, Польша кидалась для него в огонь и в воду» (89).

Что касается польско-русских «размолвок», то, по мнению Вяземского, они нередко возникали не только из-за завистливых, недоброжелательных европейских «посредников между Государем и Польшею» (89), но и из-за «равнодушия» российского правительства «в выборе людей на показ перед чужими»:

«Русская колония в Варшаве не была представительницею половицы, что товар лицом продается. В числе Русских чиновников мало было лиц обольстительных, и потому Польское общество не могло обрусеть. Частные лица не содействовали мерам правительства и общежитие не довершало дела, начатого политикою. Эта разногласица должна была иметь пагубные следствия» (90).

Через польских либералов Вяземский дополнительно к официальной получал информацию о европейской политической жизни, в частности об особо интересовавших его дебатах во французском парламенте. Внимание князя привлекали личность и выступления одного из ведущих в то время литературных и политических деятелей Франции — Бенджамена Констан [Остафьевский архив, I: 161], [Калинникова, Луков]. Русскому интересанту импонировали либеральные рассуждения Констан о конституционной монархии, справедливости законов, индивидуальных правах и свободе, трактуемой как абсолютное невмешательство властей в сферу личных прав граждан¹¹. Припоминалось и то, что либерально настроенный Александр I еще в 1815 г., находясь в Париже, встречался и беседовал с французским писателем-парламентарием.

Пристально наблюдает Вяземский за характером дипломатических переговоров, ведущихся на заседаниях конгрессов Священного союза. В Варшаве истинных собеседников-единомышленников у князя нет, поэтому свои наблюдения, мнения, оценки он подробно излагает в эпистолярной форме. В духе либеральных устремлений составителей «Уставной грамоты» он в своих письмах резко отзывается о самодержавии, рассуждает о необходимости расширения прав и свобод граждан

в общественной жизни, выступает за просвещение народа, отмену крепостного права, равенстве всех перед законом и проч. Он знал, что служебная переписка перлюстрируется, но не распространял ее действие на частные, дружеские письма, считая себя защищенным правом личной свободы.

Через некоторое время князь, видя свою ограниченную служебную востребованность, пришел к заключению, что Новосильцов недооценивает его способности и возможности, поскольку использует только в техническом качестве переводчика [Остафьевский архив, I: 198]. Однако объективно деятельность Вяземского-чиновника постоянно поощрялась: уже через год варшавской службы, в марте 1819 г., он получил чин надворного советника, а еще через полгода, в октябре, — чин коллежского советника. К лету 1819 г., когда работа над «Уставной грамотой» подходила к концу, Новосильцов сообщил князю о намерении отправить его как участника редакции с окончательной версией документа в Петербург к Александру I, чтобы император мог в случае необходимости лично задать вопросы и высказать свои замечания по проекту. И действительно, вскоре Вяземский оказался в столице. Свою встречу и разговор с царем он тщательно документирует:

«...имел я счастье быть у Государя Императора в кабинете его на Каменном острове. Велено мне было приехать в четыре часа после обеда, за письмом Н. Н. Новосильцову. Государь говорил со мною более получаса. Сначала расспрашивал он меня о Кракове, куда я незадолго пред тем ездил, изъяснял и оправдывал свои виды в рассуждении Польши, национальности, которую хотел сохранить в ней, говоря, что меры, принятые Императрицею Екатериною при завоевании Польских областей, были бы теперь несогласны с духом времени; от политического образования, данного Польше, перешел Государь к преобразованию политическому, которое готовит России; сказал, что знает участие мое в редакции проекта Русской конституции, что доволен нашим трудом, что привезет с собою доставленные бумаги в Варшаву и сообщит критические свои замечания Новосильцову, что надеется привести непременно это дело к желаемому окончанию, что на эту пору один недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота, замедляет приведение в действие мысль для него священную;

что он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречия в людях, коих предубеждения, легкомыслие приписывают сим политическим правилам многие бедственные события современные, когда, при беспристрастнейшем исследовании, люди сии легко могли бы убедиться, что сии беспорядки проистекают от причин совершенно посторонних» (87–88).

Этот многогранный, судя по перечисленным вопросам, разговор вполне отвечал чаяниям Вяземского-либерала, дорожащего свободой человеческой личности. На данном этапе существенным было то, что свободу декларировала «Уставная грамота», а государь, как видно, вовсе не возражал против ее установок. Отсюда комментарий Вяземского к описанной беседе:

«Предоставляю судить, какими семенами должны были подобные слова оплодотворить сердце, уже раскрытое к политическим надеждам, которые с того времени освятились для меня самую державною властью» (88).

Александровский либерализм формально опирался на французскую конституционную модель, технологически — на теории французских просветителей. Основная проблема для составителей российской конституции состояла в том, чтобы найти пути использования европейских идей и формулировок на русской почве. И такой компилятивный образец, благодаря усилиям Новосильцова, Дешана и группы в целом, был создан.

Однако вскоре ситуация переменилась: с конгресса в Троппау, как пишет Вяземский в исповеди, «решительно начинается новая эра в уме Императора Александра и в политике Европы» (91). Князь просил разрешения у Новосильцова сопровождать императора в заграничной поездке, но согласия не получил. В письме к А. И. Тургеневу от 23 октября 1820 г. Вяземский, предваряя развитие событий, точно расставляет акценты на европейской политической карте, ясно выражает свое отношение к происходящему: «...эти политические лунатики (европейские монархи. — Л. Л.) сговорятся каким-нибудь общим языком и пустят в ход меры свободо-народоубийственные»; троппауский съезд — «конгресс владык самодержавных, кузнецов народных оков, которые

собрались с тем, чтобы закинуть эти цепи и на те народы, которые мужественно вырвались из-под желез самовластья. Этот конгресс не что иное, как заговор самодержавия против представительного правительства» [Остафьевский архив, I: 92]. Конгресс, как известно, явился следствием революционных событий, произошедших в Неаполитанском Королевстве и в Испании. Король обеих Сицилий Фердинанд I обратился за помощью к Австрии для подавления восставших полков в Неаполе. Опытный австрийский министр иностранных дел Клеменс Меттерних предложил для решения возникшей проблемы созвать конгресс Священного Союза (куда входили Россия, Австрия, Пруссия) с участием Франции и Англии. Конгресс состоялся в октябре–декабре 1820 г. в Троппау. В центре внимания делегаций был вопрос о праве вмешательства в дела других государств при попытках революционных переворотов. Участники Священного союза — три христианских монарха — по инициативе Александра I декларативно приняли на себя моральную ответственность за сохранение существующего мира и порядка не только перед европейскими народами, но и перед Богом. Союз трех монархов должен был устранять любую возможность военного конфликта между государствами. «Российское правительство во главе с Александром I <...> считало всякую революцию угрозой для мира в Европе и, следовательно, считало необходимым бороться с ней в любой из европейских стран» [Чернов: 63]. В период работы конгресса появилась тревожная информация об октябрьском восстании Семеновского полка в Петербурге. Страны Священного союза тут же подписали протокол о праве вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств. В связи с развитием европейских революционных событий в 1821 г. конгресс продолжил свою работу в Лайбахе. В конечном итоге неаполитанский король, заручившись поддержкой Александра I и Меттерниха, использовал австрийские войска для восстановления абсолютной монархии; испанский король также (но уже с помощью французских войск) восстановил абсолютистский режим. Пророчества Вяземского сбывались.

К тому моменту русского императора уже не интересуют либеральные идеи, он не стремится к каким-либо преобразованиям

внутри страны, сами разговоры о российской конституции беспрекословно пресекаются. Вяземский разочарованно констатирует:

«Он отрекся от прежних своих мыслей; разумеется, пример его обратил многих. Я (хотя это местоимение тут и очень неуместно, но должно же употребить его, когда идет дело обо мне) остался таким образом приверженцем мнения уже не торжествующего, а опального. Не вхожу в исследование, полезно ли было сие обращение, или превращение господствующих мнений, но, кажется, нельзя *обвинять* меня, что я по совести своей не пристал к новому политическому шизму. Нельзя не подчинить дел своих и поступков законной власти, но мнения могут вопреки всем усилиям оставаться неприкосновенными» (курсив мой. — Л. Л.) (91).

Князь — аристократ и либерал — защищает право на свое «мнение». Он соотносит европейские политические события со своей личной судьбой, видя силовое нарушение властью как пространства европейских границ, так и сферы индивидуальных прав личности:

«Сим кончается пора моих блестящих упований. Вскоре после того политические события, омрачившие горизонт Европы, набросили косвенно тень и на мой ограниченный горизонт» (88).

Произошла любопытная метаморфоза:

«Из рядов правительства очутился я, и не тронувшись с места, в ряду противников его: дело в том, что правительство перешло на другую сторону. В таком положении все слова мои (действий моих никаких не было), бывшие прежде в общем согласии с господствующим голосом, начали уже отзываться диким разногласием: эта несообразность, несозвучность частная была большинством голосов выдаваема за мятежничество» (91).

Вяземский вслед за Б. Констаном понимает индивидуальную свободу как нечто ценное само по себе и вместе с тем отличное от свободы политической. Причем для него как для представителя древнего рода значима в первую очередь личная независимость, но в то же время он не отрицает необходимости «господствующего голоса» при выполнении функций

государственного служащего. Но это понимание приходит уже в период составления исповеди.

В 1820 г. варшавская служба, по признанию Вяземского, начала все более тяготить его; в канцелярии Новосильцова оказалось немало недоброжелателей, «открылись их происки», да и отношения с самим сановником становились все прохладнее (87). Князь окончательно разочаровался в Новосильцове, когда обнаружил в нем качества осторожного политика и тонкого царедворца, чутко улавливавшего настроения монарха для укрепления собственного имиджа. Это разочарование, по словам Вяземского, возбудило мысль об отставке, а затем надолго подорвало в нем веру в потребности гражданского служения:

«Не видя на поприще властей человека, которому мог бы я предаться совестью и умом, после ошибки своей и разрыва с службой под начальством Новосильцова, я пребывал всегда в нерешимости и не вступал в службу, хотя многие обстоятельства и благоприятствовали...» (86).

В апреле 1821 г. Вяземский уехал в отпуск в Москву, намереваясь на обратном пути в Варшаву заехать в Петербург, чтобы подать просьбу об отставке. Но там, в Петербурге, он неожиданно получил «письмо официальное, или полуофициальное на французском языке и собственноручное от Н. Н. Новосильцова, объявляющее <...> гнев Государя Императора» (92). Этот внезапный властный «разрыв» отношений оказался для князя шоковым [Остафьевский архив, II: 202]. Парадоксально, но Александр I действовал, исходя из политической целесообразности, требовавшей реакции на «открывшиеся» негативные «мнения» князя о власти предрежащих (результат перлюстрации его корреспонденции), сохраняя при этом личную симпатию к князю.

4

В исповеди Вяземский специально останавливается на своей внеслужебной переписке, сыгравшей в его карьере роковую роль. Князь неоднократно подчеркивает значимость для него эпистолярия: «Письма в жизни других — эпизод; у меня они — история моей жизни» (92). Он признается

в чрезмерной откровенности писем, посылаемых им из Польши друзьям в Россию:

«Письма мои, сии верные, а часто и *предательские зерцала моей внутренней жизни*, отражали сторяча впечатления, коими раздражала меня моя внешняя жизнь» (курсив мой. — Л. Л.) (91–92).

Пытаясь оправдать себя в глазах императора, князь отмечает в исповеди, что многое из написанного им в Варшаве было превратно перетолковано так называемыми «служебными читателями» из канцелярии великого князя Константина, поскольку там не было «ни одного довольно грамотного человека, который мог бы понимать своенравный слог писем, накинутых шутивно и бегло» (92). Дружеские письма князя, действительно, ориентированы на близких по духу читателей-единомышленников, которым доступны самые разнообразные темы, затрагиваемые адресантом; понятны многочисленные «домашние» намеки и комически представленные лица, обыгранные метафоры, сравнения, аллегории, анекдоты; ясны фрагменты цитируемых стихов — своих или чужих, пародий, каламбуров и проч. Сам князь верно замечал: письма «мои должны служить признаками прямодушной, хотя и неуместной откровенности, обнаруживать иногда игру ума, склонного к насмешке, иногда игру желчи или раздраженных нервов, невинный свербеж руки» (103).

Исследователи, изучая дружеские письма начала XIX в., неизменно указывают, с одной стороны, на тщательную работу самих авторов над эпистолярными текстами, с другой — на очень бережное отношение к ним получателей [Степанов: 66–67]; подчеркивают «литературный интерес» писем не только для «непосредственного адресата, но и для широкого читателя» [Тодд: 14], отмечают «смещение» «фактуального и фикционального» в письмах, что обуславливает их «гетерогенность» и «литературизацию» [Лаппо-Данилевский: 129]. Вяземский как раз и был одним из тех авторов, чьи письма ходили по рукам, читались и обсуждались в среде единомышленников¹², но для людей, далеких от этого круга, их содержание, структура и «своенравный слог» (наличие «нескольких композиционных принципов, интонаций, тем, <...> имитация

непосредственного разговора, стилистическая свобода, связь с событиями текущего момента, учет интересов адресата, сознательная литературная установка, самоирония» [Тодд: 140]) были мало вразумительны, чужды и «недоступны понятию тех, которым поручено было их читать» (92), а потому трактовались «служебными читателями» совершенно произвольно, что и сыграло злую роль в судьбе князя.

5

Далее Вяземский, сосредоточиваясь на «обвинениях», якобы предъявленных ему со стороны власти [Остафьевский архив, II: 212], моделирует в исповеди ситуацию судебного разбирательства, где обвинитель — правительство, а обвиняемый — он сам. Вынужденный давать показания, оправдываться, защищаться, князь, соблюдая этикет, диктуемый судебным дискурсом, стремится быть точным в своих показаниях:

«На меня подали два *обвинения*: первое, что до сведения Государя, в проезд его чрез Варшаву, доведено было, что в разговорах моих я горячо защищал произносимые в Польше мнения Французских депутатов, коим приписываются все бедствия, постигшие Францию. Второе, что, выезжая из Варшавы, не явился я за приказаниями к Его Высочеству Великому Князю» (курсив мой. — Л. Л.) (92).

«Обвинения» в том виде, как они сформулированы князем, ни в одном официальном документе не отражены. Вяземский предпринимал настойчивые попытки узнать через высокопоставленных друзей подробности о непосредственных причинах отставки, но никакой ясности в этом вопросе не было:

«Говорю только о существенности и официальности моего приключения, а впрочем до сей поры не знаю достоверно его прикладных подробностей, хотя в подобных делах текст мало значителен и вся важность в *тайных и обвинительных* комментариях. Могу по крайней мере сказать решительно, что в поведении моем в Варшаве не было ни одного поступка предосудительного чести моей, в связях моих ничего враждебного и возмутительного против правительства и начальства» (курсив мой. — Л. Л.) (94).

Исповедальный дискурс трансформируется в признательные «свидетельства» и «показания», а само повествование все более приобретает черты, присущие судебному разбирательству. Князь выступает не только в качестве обвиняемого, но и одновременно в качестве адвоката, используя для самозащиты и самооправдания различные речевые стратегии и тактики, пытаясь как логически, так и эмоционально воздействовать на своего адресата для изменения несправедливых и оскорбительных «мнений». Выстраивая стратегию самозащиты, князь использует общеизвестные судебные тактики: тактику частичного признания вины, тактику логических доказательств правомерности своих действий, тактику позитивных автохарактеристик. На первое «обвинение» — в сочувствии французским либералам в период парламентских выборов во Франции — Вяземский отвечает частичным признанием своей вины. Разговоры о «тяжбе французских мнений» он не отрицает, действительно, таковые «возникали», но и «умирали в приятельских беседах»; эти обыденные дружеские толки «не могли иметь никакой политической важности» (93), поэтому, считает писатель, их можно назвать проступком, но никак нельзя считать преступлением. Князь позволяет себе упрек в адрес обвинения, которое, по его мнению, смешало сферы служебной деятельности и частной жизни. Это «смешение» дало основание князю изменить речевую тактику и перейти к нападению, искусно используя иронию: «Не знаю, какую таинственную силою воскресили мертвых и поставили их против меня обвинительными привидениями» (93). Эта ироническая ремарка призвана вызвать сомнение в справедливости «первого» предъявленного «обвинения». Второе «обвинение» вообще трудно назвать таковым, это скорее порицание. Но и тут Вяземский выстраивает линию самозащиты:

«Что же касается до другого обвинения, то клянусь совестью, что никак не полагал обязанностью явиться к Его Высочеству Великому Князю, не зная, что это в числе установленных обыновений; напротив, полагая, что все сношения мои с Его Высочеством существуют только в силу Его милостивого благорасположения ко мне, то, уже лишенный оного и чуждый ему по роду

службы моей, я даже и не имел права так сказать насильственно поддерживать сии сношения, для него тогда уже неудобные» (93).

В самооправдание подчеркнута, что, по сути, специального «установления», регулирующего порядок отъезда сотрудников канцелярии в отпуск по разрешению наместника, не существовало. Кроме того, дополнительно подключен этический мотив, якобы не позволивший Вяземскому беспокоить великого князя в то время, когда их личные отношения стали менее теплыми. Развивая тему «неприязни», Вяземский на пути самозащиты вновь использует тактику объективной констатации позиции, якобы занятой наместником, и вновь переходит к нападению:

«Неприятный великому Князю, конечно, я не мог быть оставлен в Варшаве: Государь Император не мог колебаться в чувствах и выборе; я должен был быть удален, но не изгнан позорно, когда дети мои, и весь дом и дела мои требовали моего присутствия в Варшаве» (93).

Для столь бесславной отставки оснований, считает князь, абсолютно не было. И далее в качестве аргумента использует письменное свидетельство Новосильцова — своего непосредственного начальника, выразившего в письме к князю сожаление по поводу того, что лишился чиновника, которого всегда уважал (93). Осуществляя свою защиту, князь, с одной стороны, пытается убедить своего адресата в допущенной ошибке и несправедливости обвинителей; с другой — выдвинуть на первый план свои положительные качества:

«Могу по крайней мере сказать решительно, что в поведении моем в Варшаве не было ни одного поступка предосудительного чести моей, в связях моих ничего враждебного и возмутительного против правительства и начальства. Я поддержал там с честью имя Русского, и, прибавлю без самохвальства, общее уважение ко мне и сожаление, что меня удалили из Варшавы, показывают, что я не был достоин своей участи и что строгая мера, меня постигшая, была несправедливость частная и ошибка политическая» (94).

Кроме того, Вяземский приводит реальные случаи «оговоров» со стороны своих недоброжелателей, которые намеренно

подтасовывали «факты» и в качестве так называемых «свежих» стихов подавали государю произведения, написанные поэтом в ранней молодости, распространяли клевету о его заносчивости, безнравственности, «не строгом житии» (95) и проч. Эмоциональное раздражение князя на письменное сообщение об отставке с государственной службы было столь велико, что он сгоряча попросил и об отставке из звания камер-юнкера. Реакция чиновничьего окружения и правительства на этот его шаг была однозначно негативной. «Сей крутой и необыкновенный разрыв со службою, — подводил итоги Вяземский, — запечатлел в глазах многих мое политическое своеволие. <...> ...кончилось мое служебное поприще и началось мое опальное» (94). Выстраивая свой нарратив, князь старается последовательно продемонстрировать неосновательность «обвинений», отсутствие какой бы то ни было реальной «вины» с его стороны и соответственно ошибочность и несправедливость отстранения его от службы.

Конечно, свою исповедь Вяземский принялся писать не столько из-за «несправедливостей» почти десятилетней давности, сколько из-за необходимости защититься от обвинений, выдвинутых самим императором в настоящем (*Вяземский 1963: 311*). Обращаясь к Николаю I, чье царствование, как напоминает князь, началось «грозными смутами 14 декабря», Вяземский подчеркивает, что его имя, несмотря на то, что в глазах правительства он оставался «отъявленным крамольником», никак не вписано в «роковые скрижали»:

«Скажу без унижения и без гордости: имя мое, характер мой, способности мои могли придать некоторую цену моему завербованию в ряды недовольных, и отсутствие мое между ними не могло быть делом случайным или от меня независимым» (97).

Недоброжелатели посчитали его «умнее и осторожнее других» участников декабрьского выступления, но сам князь, имея четкую позицию в отношении «смуты», совершенно сознательно уклонился от «бедственного предприятия» (97). Он не скрывает, что болезненно пережил расправу над декабристами, среди которых было немало людей, лично ему близких. Но вместе с тем подчеркивает, что является принципиальным противником государственного переворота. Неучастие

в «кровавой смуте» по логике вещей должно было бы реабилитировать его и восстановить репутацию в глазах власти. Но этого не произошло. Зато, как стало известно князю, в руках нынешнего правительства вновь оказался «лживый донос <...> о каком-то» его «тайном, злонамеренном участии, или более направлении в издании *Телеграфа*» (98). По поводу этого «обвинения» князь также ведет «тяжбу». Он сразу избирает тактику нападения:

«Не стану входить в исследование: может ли быть что-нибудь тайное, злоумышленное в литературном действии, когда существует цензура строгая, мнительная и щекотливая, какова наша; скажу просто: я печатал свои сочинения стихами и прозою в *Телеграфе*, потому что по условию, заключенному на один год с его издателем, я хотел получить несколько тысяч рублей...» (98).

В 1825–1827 гг. Вяземский, как известно, вместе Николаем Полевым издавал популярный журнал «Московский телеграф», пропагандировавший романтическое направление в искусстве, но затем, когда Полевой встал на сторону «среднего состояния» — нарождающейся русской буржуазии, а журнал превратился в открыто антидворянское издание, пути партнеров разошлись. В действиях Вяземского — журналиста и писателя — не было ничего противоправного; в то время как со стороны правительства, как едко замечает князь, были явные нарушения закона: «...правительство, стесняя мои литературные занятия, лишает меня таким образом общего права пользоваться моею собственностью на законном основании. Такое нарушение справедливости без сомнения не входит в намерения правительства, но не менее того истекает из мер, им предпринимаемых» (98). Вяземский критикует действия правительства и доказывает свою лояльность. Яростнее всего он обрушивается на «гнусное беспокойство некоторых журналистов, коих позорная деятельность бесчестит Русскую литературу и Русское общество»:

«Они помнят мои прежние эпиграммы, боятся новых, боятся независимости моего прямотушия, когда предстоит мне случай вывести на свежую воду их глупость или бесчестность, боятся некоторых прав моих на внимание читающей публики, совместничества моего для них опасного, и в бессилии своем состязаться

со мною при свете дня, на литературном поприще, они подкапываются под меня во мраке, свойственном их природным дарованиям и нажитому ремеслу» (98–99).

В клевете и доносите́льстве Вяземский подозревает прежде всего Булгарина и Греча. В деятельности этих «мнимых прислужников» власти с их лакейской, «неограниченной преданностью» он видит «тайные пружины», которые определяют мнения не только правительства (99), но и самого императора. Иначе как следует понимать такой выпад Вяземского:

«В сообщении по Высочайшему повелению, доставленном от графа Толстого к князю Голицыну в Москву, по поводу газеты, о которой я не имел понятия, нанесены чести моей живейшие оскорбления. *Никто без суда да не накажется*, а разве обеспечение не есть наказание, и тем тягостнее, когда оно не гласно» (99).

В оскорбительной полугласности князь видит «лютейшее наказание» для человека, дорожающего своим именем. Его не подвергали суду, не предъявляли судебных обвинений, но имя его оказалось опороченным, значит, он «наказан без суда и без справедливости». Отступление от правосудия происходит, убежден князь, из-за низменных интриг и «корыстолюбия <...> подлых газетчиков, которые боятся, что новая газета отобьет у них подписчиков» (99). Власть же, ориентируясь на бесчестные «оговоры» «мелких прислужников правительства, промышляющих ловлею в мутной воде» (106), поступает и неразумно, и предвзято по отношению к истинному гражданину своего отечества, нарушая общую справедливость. «Что же касается до *приговора, мне изреченного*, — пишет князь, — признаюсь — не знаю, до какой степени имеют право позорить имя человека за поступки, не входящие в число ни гражданских, ни политических преступлений. Заблуждения, в которых можно каяться духовному отцу, не подлежат расправе светских властей; но, как бы то ни было, могу сказать решительно, что ни в каком отношении не заслуживаю выражений, употребленных графом Толстым. Развратная жизнь, недостойная образованного человека, предосудительность поведения, которое может служить соблазну других молодых людей и вовлечь их в пороки, суть обвинения

такого рода, что примененные ко мне они, без сомнения, возбуждают негодование каждого частного человека, меня знающего, и сожаление, что правительство слишком легко доверяет выдумкам клеветы и основывает мнения свои на подобных показаниях» (курсив мой. — Л. Л.) (100). Князя удручает тот факт, что граф Толстой, лично зная в течение многих лет, каким уважением пользуется князь в обществе, оказался бессловесным исполнителем «поносительного приговора» (100). Как видно, Вяземский активно использует в исповеди лексику судебного дискурса: *суд, правосудие, обвинение, защита, оправдание, показание, наказание, проступок, преступление, приговор* и проч. Однако при этом он подчеркивает, что написал не *оправдание*, не «*адвокатскую защиту себя*», а полную и безоговорочную *исповедь*, где «высказал себя всего» (106) — со всей искренностью, с чистой совестью, не скрывая недостатков, а порой, может быть, с неуместной откровенностью. Он понимал, что «уязвимы» его убеждения, поэтому стремился «изложить их полностью, во всей их наготе», если же и пытался смягчить свои «ошибки», то «стараясь вскрыть те чувства», которыми руководствовался в «отступлении с прямого пути» (*Вяземский 1963: 321*)¹³. Защищая свою честь, князь требует справедливого разбирательства по всем вопросам:

«На обвинение в порочности нравов моих и поведения моего в Петербурге прошу и суда и ограждения меня впредь от подобной клеветы наказанием клеветников. Если обвинение падает на какое-нибудь мое сочинение, прошу обвинения и требования меня к ответу; если на мои частные письма — прошу выслушать мое сознание и оправдание» (101).

Закончив свою исповедь, Вяземский отправил ее в Петербург В. А. Жуковскому; далее через посредство А. Х. Бенкендорфа она была передана императору. В кратком сопроводительном письме к Николаю I от 9 февраля 1829 г. Вяземский пишет, что он «оклеветан», «взывает к правосудию» и «умоляет» обратить внимание на его «Записку»¹⁴. Император поручил переслать исповедь в Варшаву великому князю Константину. Впоследствии Вяземский прокомментировал ситуацию и ее разрешение таким образом:

«При всей заносчивости в[еликого] к[нязя] он имел много прямоты и благородства. Ознакомившись несколько с моею запискою, он мог убедиться, что я не так черен, каковым кажусь некоторым господам. Легко стать, что он почувствовал, что слишком порывисто подействовал на судьбу мою. Как бы то ни было, возобновлению сношений моих с ним и письму его к государю обо мне обязан я поступлением моим снова на службу» (*Вяземский* 1963: 164).

Уже в 1830 г. положение князя переменялось: он был помилован и вновь принят чиновником на государственную службу в Министерство финансов.

«Моя исповедь», являющая собой сложный жанрово-дискурсивный синтез элементов биографических, политических и литературных, включающий четкую аргументацию как рациональную форму убеждения и импульсивную эмоциональность как форму экспрессивного воздействия на адресата, выполнила свою положительную роль в достижении той цели, которую поставил перед собой князь. Стоит заметить, что «Моя исповедь» мыслится Вяземским, по аналогии с эпистолярием, в качестве своеобразного «зеркала» жизни, «не искривленного злонамеренностью и неприязнью» (106). Однако это вовсе не исключает возможности манипуляции зеркалом таким образом, «чтобы оно ловило одни предметы, торопливо минуя другие и оставляя вовсе не отраженными третьи» [Тодд: 68]. Общая автобиографическая и исповедальная стратегия князя обуславливает как авторское объяснение / раскаяние в политических «заблуждениях» либеральной молодости, так и изложение / исповедание его конституционно-либеральных воззрений за счет активного автоцитирования; при этом принципиальная установка на *правдивость* сочетается с так называемой «*политкорректностью*», допускающей сознательное умолчание о некоторых событиях, фактах, лицах во избежание заведомой лжи.

Примечания

- ¹ Вяземский П. А. Моя исповедь // Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. / изд. графа С. Д. Шереметева. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1879. Т. 2: 1827–1851. С. 106. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Польский историк Бартоломей Шиндлер в своей монографии представил политический портрет Николая Новосильцова как царского инквизитора. Исследователь достаточно тенденциозно и прямолинейно «смоделировал» эволюцию политических взглядов полномочного комиссара при Государственном совете Королевства Польского от либерализма к крайнему консерватизму, от полонофилии к жесткой полонофобии [Szyndler].
- ³ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848) / изд. подгот. В. С. Нечаева; отв. ред. К. В. Пигарев. М.: Изд. Академии наук СССР, 1963. С. 308–310. Далее ссылки на это издание приводятся с использованием сокращения *Вяземский 1963* и указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ В письме к А. И. Тургеневу от 14 ноября 1828 г. Вяземский описывает сложившуюся ситуацию следующим образом: «Дело в том, что по поводу какого-то журнала, о котором я понятия не имел, сказали государю, что я собираюсь издавать журнал под чужим именем, а он велел мне через князя Дмитрия Владимировича Голицына объявить, что запрещает мне издавать оную газету, потому что ему известна моя развратная жизнь, недостойная образованного человека, и многие фразы, подобные этой. Я прошу следствия и суда; не знаю, чем это кончится, но если не дадут мне полного и блестящего удовлетворения, то я покину Россию» [Остафьевский архив, III: 183].
- ⁵ Из писем князя П. А. Вяземского к В. А. Жуковскому, 1821–1829 года // Русский архив. 1900. Вып. I–IV. С. 205, 207.
- ⁶ Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. Г. Дьяченко. М.: Изд. Московского Патриархата, 1993. С. 228. (Репринтное воспроизведение издания 1900 г.)
- ⁷ В настоящее время доминируют два основных значения слова *исповедь*: 1) церковное таинство *покаяния*, когда «христианин, искренно и сердечно раскаиваясь в грехах своих и намереваясь исправить свою жизнь, с верою во Христа и с надеждою на Его милости, излагает устно свои грехи перед священником, который также устно разрешает ему его грехи» (Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. [СПб.]: Изд. П. П. Сойкина, [1913]. Т. 2. Стб. 1825.); 2) литературно-публицистический и философский жанр, включающий «откровенное признание героя-рассказчика в совершении безнравственных поступков, обращенное к читателям; рассказ о себе, стремящийся дать слушателю-читателю настолько полное (в этическом смысле) знание чужих поступков и их мотивов, чтобы оно свидетельствовало об ответственности “я” и было поводом для его возможного признания и оправдания другим» [Волкова: 85].

- ⁸ О русских автобиографических исповедях см.: [Луцевич, 2012, 2018].
- ⁹ Слова «либеральный», «либерал» пришли в русский язык в конце XVIII в. (от фр. *libéral*) — «вольнодумный», «вольнодумец» (см.: Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 11. (Крепость—Льняной) / сост.: А. А. Алексеев и др. СПб.: Наука, 2000. С. 233).
- ¹⁰ В статьях 12, 13, 14 «Уставной грамоты» непосредственно зафиксировано: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных. Он управляет исполнительную часть во всем ее пространстве. Каждое начальство исполнительное, управительное и судебное им одним постановляется. Но законодательной власти государя содействует государственный сейм <...>. Особа государя священна и неприкосновенна» [Шильдер: 500]. Государственный сейм практически не имел никакой власти над монархом. Сейм мог лишь «содействовать» императору в осуществлении законодательной власти в центре и на местах; само же «содействие» ограничивалось рассмотрением законов, предложенных императором. Стоит отметить, что глава III под названием «Ручательства державной власти» включала нормативы, регулирующие правовой статус личности: свободу вероисповедания, слова и книгопечатанья; равенство всех перед законом; неприкосновенность личности и собственности; сохранение дворянских привилегий [Шильдер: 510–512].
- ¹¹ См. об этом подробнее: [Бондарев: 212–225].
- ¹² Исследователи отмечают: «Письма Вяземского к А. И. Тургеневу <...> предназначались для чтения среди арзамасцев; и на самом деле арзамасцы читали и обсуждали сообща эти письма, в которых Вяземский затрагивал наболевшие и злободневные вопросы: о конституционных замыслах Александра I, об отходе царя от либеральных идей, о Священном союзе, о крепостном праве и т. п.» [Гиллельсон, 1969: 30]; «арзамасцы сочиняли свои дружеские письма и для своих непосредственных адресатов и, в конечном счете, для потомков» [Тодд: 63].
- ¹³ См. подробнее: [П. А. Вяземский — Д. В. Голицыну] от 18 апреля 1829 г. // Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848) / изд. подгот. В. С. Нечаева; отв. ред. К. В. Пигарев. М.: Изд. Академии наук СССР, 1963. С. 320–322.
- ¹⁴ Русский архив. Вып. II. С. 279.

Список литературы

1. Бондарев А. П. Политические взгляды Бенджамена Констана // Французский ежегодник 1977. — М.: Наука, 1979. — С. 212–225.
2. Волкова Т. Н. Исповедь // Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. — М.: Изд. Кулагиной Intrada, 2008. — С. 85–86.
3. Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. — Л.: Наука, 1969. — 391 с.

4. Гиллельсон М. И. Петр Андреевич Вяземский // Вяземский П. А. Сочинения: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1982. — Т. 1: Стихотворения. — С. 5–36.
5. Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Статьи и очерки. — Л.: Сов. писатель, 1982. — 422 с.
6. Есаулов И. А. Рецепция отечественной классики в период русской катастрофы // Русская классика: pro et contra: железный век: Антология / сост. Есаулов И. А., Петрова Т. Г. — СПб.: РХГА, 2018. — С. 9–42.
7. Ивинский Д. П. Из полемических заметок князя П. А. Вяземского / публ., вступ. ст. и коммент. Д. П. Ивинского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2004. — № 1. — С. 181–190.
8. Калининкова Н. Г., Луков Вл. А. Ранний этап формирования французского центра литературного влияния в русском культурном тезаурусе: пример Бенджамена Константа // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/1/Kalinnikova~Lukov_Benjamin-Constant/ (10.12.2019).
9. Лаппо-Данилевский К. Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века / отв. ред. Н. Д. Кочеткова. — СПб.: Наука, 2013. — С. 121–153.
10. Луцевич Л. Ф. Писательская исповедь: к вопросу о типологии // *Autobiografie pisarzy rosyjskich. Studia Rossica XXI* / red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łuciewicz. — Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2012. — S. 19–30.
11. Луцевич Л. Ф. Русская авторская исповедь XIX в. // *Z Polskich Studiów Slawistycznych*. — Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2018. — Seria 13. — Т. 1: Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka / red. B. Zieliński. — S. 157–167.
12. Любезников О. А. Николай Николаевич Новосильцов — государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дис. ... канд. историч. наук. — СПб., 2013. — 198 с.
13. Моторин А. В. Художественное вероисповедание князя Петра Вяземского // *Христианство и русская литература* / отв. ред. В. А. Котельников. — СПб.: Наука, 2002. — Вып. 4. — С. 209–249.
14. Нечаева В. С. Французская литература и П. А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху // *Русская культура и Франция* / пригот. С. А. Макашин. — М.: Жур.-газ. объединение, 1937. — С. 77–89. («Литературное наследство»; т. 31/32)
15. Остафьевский архив князей Вяземских: в 5 т. / изд. графа С. Д. Шереметева; под ред. и с прим. В. И. Саитова. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. — Т. 1: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. — 728 с.; 1899. — Т. 2. — Вып. 1: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820–1823. — 371 с.; 1899. — Т. 3: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824–1836. — 364 с.
16. Прохорова И. Е. Литературно-публицистическая деятельность П. А. Вяземского «варшавского периода»: развитие либерально-конституционных идей // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2005. — № 3. — С. 74–79.

17. Рудницкая Е. Александр Иванович Тургенев: «Я — космополит и русский в одно время...» // Российский либерализм: Идеи и люди. — 3-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. — М.: Новое издательство, 2018. — Т. 1: XVIII–XIX века. — С. 157–165.
18. Степанищева Т. Н. «Арзамасский уполномоченный слушатель»: П. А. Вяземский в Варшаве // Статьи на случай: сб. в честь 50-летия Р. Г. Лейбова / отв. ред. М. В. Боровикова, Л. Д. Зубарев, Т. Н. Степанищева. 2013 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Stepanishcheva.pdf (10.12.2019).
19. Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. — М.: Худож. лит., 1966. — С. 91–101.
20. Тодд Ш. У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / пер. с англ. И. Ю. Куберского. — СПб.: Академический проект, 1994. — 207 с.
21. Тоддес Е. А. О мировоззрении П. А. Вяземского после 1825 года // «Пушкинский сборник». — Рига: Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки, 1974. — Вып. 2. — С. 123–166.
22. Ходасевич В. Ф. От Грибоедова до Анненского: Избранные очерки. — М.: Юрайт, 2018. — 371 с.
23. Чернов А. В. Российская внешняя политика и конгрессы в Троппау и Лайбахе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. — 2014. — С. 61–71.
24. [Шильдер Н. К.] Государственная уставная грамота Российской империи // Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4 т. — 2-е изд. — СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1905. — Т. 4. — С. 499–526.
25. Kępiński A. Piotr Wiaziemski o polskiej chorobie. Ze studiów nad stereotypem polskim w literaturze rosyjskiej XIX w. // Rocznik Komisji Historycznoliterackiej. XIX. — Kraków: Polska Akademia Nauk, 1982. — S. 125–137.
26. Łużny R. Księcia Piotra Wiaziemskiego romans z Polską i rewolucją // Z notatników i listów księcia Piotra Wiaziemskiego. — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1985. — S. 5–17.
27. Sokołowska J. Piotr Wiaziemski (1792–1878). W kręgu spraw polskich // Studia wschodniosłowiańskie / Red. Wanda Supa. — Białystok: UB, 2011. — Т. 11. — S. 353–366.
28. Szyndler B. Mikołaj Nowosilcow (1762–1838). Portret carskiego inkwizytora. — Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2004. — 184 s.
29. Toczyńska-Pęksa A. Recepcja twórczości Piotra Wiaziemskiego w Polsce // Acta Neophilologica. — Olsztyn: UWM, 2015. — XVII (1). — S. 153–159.

Lyudmila Lutsevich

*University of Warsaw
(Warsaw, Poland)*

l.lutevici@uw.edu.pl

My Confession of Prince P. A. Vyazemsky

Abstract. *My Confession* (1829) of P. A. Vyazemsky, one of the most important historical, literary and autobiographical documents of the 19th century, has never been the subject of independent study. Its focus of attention is the period of the Prince's civil service in Warsaw, which predetermined not only the formation of his ideas of liberalism and constitutionalism, but also the collapse of his career as a civil servant in 1821. The article makes an attempt to identify the main formal-meaningful constants of *My Confession*. As a result of the study, the immediate motif and reasons for the prince's resort to confession, his addressee, the main goal and discursive practices are identified. The author of the article states that *My Confession* does not contain religious connotations; its main content is the consistent presentation of events, facts, thoughts, feelings (in the form in which they appear in the mind of the Prince almost a decade later), as well as the exposure of the libels of ill-wishers and the restoration of a good name. It is noted that the general autobiographical confessional strategy of Vyazemsky determines both the author's repentance of the political "errors" of liberal youth and the exposition / propaganda of liberal views due to active auto-citation; at the same time, the fundamental attitude towards veracity is combined with the so-called "Political correctness" (allowing conscious silence about certain events, facts, persons in order to avoid knowingly lying).

Keywords: Vyazemsky, *My Confession*, personality, politics, power, truthfulness, political correctness, confession, genre

About the author: *Lutsevich Lyudmila* — Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Cultural Studies of the Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw (ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warsaw, Poland)

Received: December 20, 2019

Date of publication: July 7, 2020

For citation: Lutsevich L. "My Confession" of Prince P. A. Vyazemsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 82–112. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8022 (In Russ.)

References

1. Bondarev A. P. Political Views of Benjamin Constan. In: *Frantsuzskiy yezhegodnik 1977*. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 212–225. (In Russ.)
2. Volkova T. N. Confession. In: *Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy [Dictionary of Relevant Terms and Concepts]*. Moscow, Kulagina's Publishing House Intrada, 2008, pp. 85–86. (In Russ.)
3. Gille'son M. I. P. A. *Vyazemskiy. Zhizn' i tvorchestvo [P. A. Vyazemsky. Life and Works]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 391 p. (In Russ.)

4. Gille'son M. I. Petr Andreevich Vyazemskiy. In: *Vyazemskiy P. A. Sochineniya: v 2 tomakh* [Vyazemsky P. A. Works: in 2 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 1, pp. 5–36. (In Russ.)
5. Ginzburg L. Ya. *O starom i novom. Stat'i i ocherki* [About the Old and the New. Articles and Essays]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1982. 422 p. (In Russ.)
6. Esaulov I. A. Reception of Russian Classics in the Period of the Russian Catastrophe. In: *Russkaya klassika: pro et contra: zheleznyy vek: Antologiya* [Russian Classics: Pro et Contra: Iron Age: Anthology]. St. Petersburg, the Russian Christian Academy of the Humanities Publ., 2018, pp. 9–42. (In Russ.)
7. Ivinskiy D. P. From the Polemic Notes of Prince P. A. Vyazemsky. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2004, no. 1, pp. 181–190. (In Russ.)
8. Kalinnikova N. G., Lukov V. A. The Early Stage of the Formation of the French Concentric Circle of Literary Influence in the Russian Cultural Thesaurus: An Example of Benjamin Constan. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2012, no. 1. Available at: http://www.zpujournal.ru/ezpu/2012/1/Kalinnikova~Lukov_Benjamin-Constant/ (accessed on December 10, 2019). (In Russ.)
9. Lappo-Danilevskiy K. Yu. A Friendly Literary Letter: Specifics, Origins. In: *XVIII vek. Sbornik 27: Puti razvitiya russkoy literatury XVIII veka* [The 18th Century. Digest 27: Ways of Development of Russian Literature of the 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, pp. 121–153. (In Russ.)
10. Lutsevich L. F. A Writer's Confession: On the Question of Typology. In: *Autobiografie pisarzy rosyjskich. Studia Rossica XXI* [Autobiographies of Russian Writers. Studia Rossica 21]. Warszawa, Uniwersytet Warszawski Publ., 2012, pp. 19–30. (In Russ.)
11. Lutsevich L. F. A Russian Author's Confession of the 19th Century. In: *Z Polskich Studiów Slawistycznych* [From Polish Slavic Studies]. Poznań, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu Publ., 2018, series 13, vol. 1, pp. 157–167. (In Russ.)
12. Lyubeznikov O. A. *Nikolay Nikolaevich Novosil'tsov — gosudarstvennyy deyatel' imperatorskoy Rossii pervoy treti XIX veka: dis. ... kand. istorich. nauk* [Nikolai Nikolaevich Novosiltsov, Statesman of Imperial Russia of the First Third of the 19th Century. PhD. histor. sci. diss.]. St. Petersburg, 2013. 198 p. (In Russ.)
13. Motorin A. V. Artistic Credo of Prince Peter Vyazemsky. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, issue 4, pp. 209–249. (In Russ.)
14. Nechaeva V. S. French Literature and P. A. Vyazemsky in the Pre-December Era. In: *Russkaya kul'tura i Frantsiya* [Russian Culture and France]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1937, pp. 77–89. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 31/32). (In Russ.)
15. *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh: v 5 tomakh* [The Ostefiev Archive of the Princes Vyazemsky: in 5 Vols]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1899, vol. 1. 728 p.; 1899, vol. 2, issue 1. 371 p.; 1899, vol. 3. 364 p. (In Russ.)

16. Prokhorova I. E. Literary and Journalistic Activity of P. A. Vyazemsky of “Warsaw Period”: The Development of Liberal-Constitutional Ideas. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika [Moscow State University Bulletin. Series 10. Journalism]*, 2005, no. 3, pp. 74–79. (In Russ.)
17. Rudnitskaya E. Alexander Ivanovich Turgenev: “I Am Cosmopolitan and Russian at the Same Time...”. In: *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi [Russian Liberalism: Ideas and People]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2018, vol. 1, pp. 157–165. (In Russ.)
18. Stepanishcheva T. “Arzamas Authorized Listener”: P. A. Vyazemsky in Warsaw. In: *Stat'i na sluchay: sbornik v chest' 50-letiya R. G. Leybova [Articles on the Occasion: Collection on the Occasion of the 50th Anniversary of R. G. Leibov]*. Available at: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Stepanishcheva.pdf (accessed on December 10, 2019). (In Russ.)
19. Stepanov N. L. A Friendly Letter of the Beginning of the 19th Century. In: *Stepanov N. L. Poety i prozaiki [Stepanov N. L. Poets and Prosemen]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966, pp. 91–101. (In Russ.)
20. Todd III W. M. *Druzheskoe pis'mo kak literaturnyy zhanr v pushkinskuyu epokhu [A Friendly Letter as a Literary Genre in the Era of Pushkin]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 207 p. (In Russ.)
21. Toddes E. A. On the Worldview of P. A. Vyazemsky After 1825. In: *Pushkinskiy sbornik [Pushkin Collection]*. Riga, Peter Stuchka Latvian University Publ., 1974, issue 2, pp. 123–166. (In Russ.)
22. Khodasevich V. F. *Ot Griboedova do Annenskogo: izbrannye ocherki [From Griboedov to Annensky: Selected Essays]*. Moscow Yurayt Publ., 2018. 371 p. (In Russ.)
23. Chernov A. V. Russian Foreign Policy and Congresses in Troppau and Laibach. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii [RUDN Journal of Russian History]*, 2014, pp. 61–71. (In Russ.)
24. Shil'der N. K. The State Charter of the Russian Empire. In: *Shil'der N. K. Imperator Aleksandr Pervyy. Ego zhizn' i tsarstvovanie: v 4 tomakh [Emperor Alexander the First. His Life and Reign: in 4 Vols]*. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1905, vol. 4, pp. 499–526. (In Russ.)
25. Kępiński A. Piotr Wiaziemski o polskiej chorobie. Ze studiów nad stereotypem polskim w literaturze rosyjskiej XIX w. [Piotr Wiaziemski About the Polish Disease. From Studies on the Polish Stereotype in Russian Literature of the 19th Century]. In: *Rocznik Komisji Historycznoliterackiej. XIX [The Yearbook of Historical and Literary Commission. The 19th]*. Kraków, Polska Akademia Nauk Publ., 1982, pp. 125–137. (In Polish)
26. Łużny R. Księcia Piotra Wiaziemskiego romans z Polską i rewolucją [Prince Piotr Wiaziemski's Affair with Poland and the Revolution]. In: *Z notatników i listów księcia Piotra Wiaziemskiego [From Notebooks and Letters of Prince Peter Vyazemsky]*. Kraków, Wydawnictwo Literackie Publ., 1985, pp. 5–17. (In Polish)
27. Sokołowska J. Piotr Wiaziemski (1792–1878). W kręgu spraw polskich [Peter Vyazemsky (1792–1878). In the Circle of Polish Affairs]. In: *Studia wschodniosłowiańskie [East Slavic Studies]*. Białystok, UB Publ., 2011, vol. 11, pp. 353–366. (In Polish)

-
28. Szyndler B. *Mikołaj Nowosilcow (1762–1838). Portret carskiego inkwizytora* [*Nikolay Novosiltsev (1762–1838). A Portrait of the Tsarist Inquisitor*]. Warszawa, Wydawnictwo DiG Publ., 2004. 184 p. (In Polish)
 29. Toczyńska-Pęksa A. Recepcja twórczości Piotra Wiaziemskiego w Polsce [Reception of Peter Vyazemsky Works in Poland]. In: *Acta Neophilologica*. Olsztyn, UWM Publ., 2015, vol. 17, issue 1, pp. 153–159. (In Polish)